

В. К. Тредиаковский: годы ученья

А. Б. ШИШКИН (Ленинград)

В Астрахани

Грань лучших двух частей Вселенной здесь проходит,
И, в Астрахань явясь, всяк в обе разом входит,
Он может руку здесь Европе протянуть
И, повернувшись, вновь на Азию взглянуть . . .

(Пауль Флеминг, 1638 г.)

Город, где родился Тредиаковский, лежал на скрещении путей России и Персии, Европы и Индии. Кроме русских, татар, калмыков, осетин, жили в Астрахани греки, поляки, немцы, французы. Через Астрахань с Востока везли шелк, пряности, драгоценные камни, с Севера — хлеб и бочки черной икры. Это был город не только множества языков, но и множества вероисповеданий. По переписи после большого пожара в середине XVIII в. здесь насчитывалось двадцать пять православных церквей, два монастыря, девятнадцать мечетей, две армянские церкви, лютеранская кирха, католический костел и индуистский храм.¹ Здесь находилась Армянская, Грузинская, Индийская, Бухарская, Гилянская, Татарская колонии. Сюда, где почти всегда был ощутим дух поволжской вольницы, бежали старообрядцы всевозможных толков и беглые монахи и попы. В конце XVII в. в этот город на «вечное житье» были переведены два московских стрелецких полка, участники Стрелецкого бунта 1682 г.² Через Астрахань шли иноземные посольства, караваны бухарских и хивинских купцов, католические миссионеры, следуя то в Китай, то в Грузию, то в Персию.

В 1705 г. в Астрахани произошел бунт — последний и самый крупный городской бунт в России XVII—XVIII вв. Насильственно вводимые реформы Петра, обиды и лихоимства воеводы давно ставили астраханцев на грань возмущения. Подняли астраханцев царские указы о немецком платье и брадобритии. Стрельцы стали «говорить про царское величество, что он подменной, а не прямой царь, старую веру переменил и ввел все латинское».³ В системе ценностей той эпохи это было серьезным обвинением: ведь, по представлению астраханских традиционалистов, уклонение из благочестия в нечестие Петра и его ближайшего окружения означало переход в идолопоклонничество,⁴ что являлось нарушением первой заповеди, смертным грехом. Астраханцы поддержали заговор стрельцов и «всем градом стали за веру, за

¹ С. Гмелин, Путешествие по России, 2. СПб. 1777, 163; см. также Н. С. Травушкин, Родина Тредиаковского — одно из культурных гнезд XVIII в. В кн.: Венок Тредиаковскому. Волгоград 1976; Н. Б. Голикова, Астраханское восстание 1705—1706 гг. Москва 1975, 30—46; её же, Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. Москва 1982.

² Н. Б. Голикова, Астраханское восстание, 48.

³ Там же, 76, 84.

⁴ В. М. Живов, Б. А. Успенский, Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв.: Античность в культуре и искусстве последующих веков, Материалы научной конференции. Москва 1984, 218—219.

бородо и усо бритие и немецкое платье».⁵ Восемь месяцев управляла городом выборная старшина, думали идти на Москву. Петр послал против мятежных астраханцев фельдмаршала Б. П. Шереметева. Защитники города были разбиты, и в марте 1706 г. царские войска вошли в Астрахань. Отголоски бунта и расправы затихли не скоро — еще в 1718 г. возникали судебные разбирательства.⁶

Неизвестно, насколько буйные события бунта коснулись мирного жития семьи Кирилла Тредиаковского. Как и его отец Яков, в 1697 г. переселившийся в Астрахань из Вологды,^{6a} он был священником. Он совершал богослужение в церкви Воздвижения Честного Креста,⁷ а позднее в Троицком и Входо-Иерусалимском храмах.⁸ Больших достатков у него не было, и он содержал сад с виноградником и огород. 22 февраля 1703 г. у него родился сын Василий, тремя годами позже — сын Яков. Отец Кирилл учил старшего сына грамоте, письму и, быть может, пению.⁹

Преподав отроку начатки знаний, отец Кирилл отдал сына в учение католическим миссионерам.

Такова была одна из странных случайностей петровского времени, одно из «противоречий» русского возрождения: на юго-восточной окраине Европейской России, на пороге Азии, в городе, где за несколько лет перед тем один слых о том, что молодой царь вводит вместе с немецким платьем и новую веру, произвел народный бунт, — сын православного священника стал питомцем католических монахов, —

писал акад. Л. Н. Майков.¹⁰ Виной этого «противоречия» во многом было особое положение Астрахани, в городе суннитов и шиитов, протестантов, старообрядцев и православных, склонявшихся иногда к обрядам древнего благочестия (известны дела против иереев, которые служили по дониконовским книгам или употребляли двоеперстное знамение),¹¹ городе, где попадались и язычники из татар и калмыков, лишь в этом городе (кроме, разумеется, двух русских столиц) могла успешно распространиться деятельность католической миссии.

Кто были эти миссионеры? В 1710—13 гг. в Астрахани находился итальянский францисканец-капуцин Патриций из Милана. Он окормлял астраханскую католическую общину — около 90 семей армян, поляков и немцев. Известен отзыв о капуцине ганноверского резидента в России Х. Ф. Вебера. По его словам, отцу Патрицию за 60 лет, это «весъма ученый и сведущий в медицине патер», прежде Астрахани «он жил в Персии и часто бывал там на волосок от смерти».¹² Стремясь послужить »ad maiorem Dei gloriam«, и распространить свое конфессиональное влияние, итальянский патер мог

⁵ Н. Б. Голикова, Астраханское восстание, 84.

⁶ В 1718 г. в связи с подобным разбирательством допрашивался соборный протопоп с братией: Астраханские епархиальные ведомости (далее: АЕВ) 1879, № 37, с. 601—602.

^{6a} А. Марков, В. Попов, «Сей муж великого разума . . .», К 275-летию со дня рождения В. К. Тредиаковского: Волга, 22 февраля 1978 г.

⁷ Центральный государственный архив древних актов СССР (далее: ЦГАДА) ф. 286, № 472, л. 538.

⁸ В. П. Самаренко, В. К. Тредиаковский в Астрахани: XVIII век, сб. 5. Москва—Ленинград 1962, 358; АЕВ 1877, № 22, с. 16.

⁹ Л. Н. Майков, Молодость Тредиаковского до его поездки за границу (1703—1726): Журнал министерства народного просвещения 1897, ч. 312, июль, отд. 2, с. 4.

¹⁰ Там же, 4.

¹¹ АЕВ 1880, № 46, с. 733.

¹² Русский архив 10 (1872) 1649.

идти и на контакты с русскими. Нельзя исключить возможности, что уже в эти годы молодой Василий Тредиаковский начинал учиться в «словесных науках» у отца Патриция.¹³

В 1713 г. орден капуцинов в Риме решил основать в Астрахани миссию из числа монахов, действовавших прежде в Грузии. В июле 1716 г. в Астрахань прибыли три итальянских монаха — уже знакомый нам отец Патриций, определенный супериором, отец Бонавентура и отец Джанбаттиста. Итальянские отцы, носившие бороду и длинные остроконечные капюшоны, которые напоминали об основателе ордена Св. Франциске Ассизском, принялись за организацию своей школы. Словари, грамматики, латинская Библия с комментариями, по мысли капуцинов, особенно нужная для бесед с русскими учениками, были выписаны из Рима. По словам капуцинов, они хотели, чтобы в латинской школе было «все, что могло бы привлечь юношей к занятиям и наиболее содействовать обучению».¹⁴ Синод и Иностранныя коллегия встревожились деятельностью капуцинов в Астрахани, но миссионеры нашли заступника в губернаторе А. П. Волынском, отписавшем в столицу, что видит в их работе больше пользы, чем опасности, «понеже из здешняго сурового народа обучаются от них молодые дети латинского и прочих языков».¹⁵ Л. Н. Майков и А. В. Флоровский высказывали предположение, что Волынский не только был хорошо осведомлен о трудах католических монахов, но и причастен к определению молодого Тредиаковского к ним в учение.

В латинской школе капуцинов Тредиаковский учился до 1722 или 1723 г. После 1718 г. его учителем стал капуцин Антоний Мария д'Амелиа, которой приехал в этом году в Астрахань из Грузии и оставался там до начала 1723 г. (Через несколько лет трое первых миссионеров разъехались в разные стороны. В конце 1718 г. Патриций отправился в Петербург хлопотать о постройке в Астрахани костела, куда больше не возвращался, отец Бонавентура переселился в Москву, где скоро и умер, а отец Джанбаттиста с посланником Флорилем обосновался в Бухаре).¹⁶

Об учебной программе латинской школы известно немного. Кроме латыни, на которой велось преподавание, обязательной для учеников и помимо школы, Тредиаковский мог изучать итальянский, может быть, и немецкий языки, риторику, партесное пение, — как мы увидим позднее, знание музыки и музыкальный слух во многом помогли ему подойти к реформе русского стихосложения. В круг занятий школы входила также история, география и назидательная философия.

В старших классах он стал изучать славянскую грамматику, быть может, самостоятельно. Об этих занятиях известно из переписанной его рукой «Грамматики или писменицы славенской». Тредиаковский воспользовался текстом анонимно изданной в 1638 г. в Кременце грамматики, являющейся

¹³ В. П. Самаренко (указ. соч. 358—359) предполагает считать годом начала учения Тредиаковского у капуцинов 1713 г. Он основывается на словах Тредиаковского, что тот посвятил на свое обучение 18 лет. Однако Самаренко не включил в это число лет три года (1730—1733), которые Тредиаковский провел в Академическом университете (ЦГАДА ф. 286, № 472, л. 538).

¹⁴ А. В. Флоровский, Латинские школы в России в эпоху Петра I: XVIII век, сб. 5, 333, 328—334.

¹⁵ АЕВ 1902, № 1, с. 17; см. также: Полное собрание законов Российской империи, б. СПб. 1830, № 3963.

¹⁶ АЕВ 1879, № 37, с. 717—718.

модификацией грамматики Мелетия Смотрицкого. Переписчику в этой рукописи принадлежит предисловие, помеченное 30 сентября 1721 г., под коим стоит его подпись: «ученик латинских школ Basilius Tretiacovensis». Грамматика — ключ к познанию всех наук и Св. Писания, — утверждает автор предисловия. Это идея совсем не оригинальна, и ее не стоило бы приводить здесь, если бы не ее особая актуальность для переломной языковой ситуации первой трети XVIII в. и лингвистической деятельности самого Тредиаковского, которому суждено будет стать одним из главных создателей языка естественных и технических наук, военного дела, философии и — более того — литературного языка нового типа.

Сию науку грамматику нарицают антономатичне ключем: понеже аки бы дверь храмины нашея, заключенныя тмою неразумия, отключает, в ней же богатосветлопреставленнейший царствующий ум наш обитатель есть и невозбранный путь до премудрых наук чрез степени шествовать попускает, первою степению лествицы ея уподобити благоволи. Но до них же кто неприкоснушийся сей понудится шествовать: будет имать пребывать яко в малом и нетвердом кораблеце на великости волнений великого окиана: в нем же духом бурным влаемъ и зыбляся люте потопится, аще не прежде возиме... ко утверждению и надежному пребыванию кораблецу своему, аще бы и ветрило скорое преношение ума своего име... По сем же книг речения и совершенная слов познания дает разумети и рассуждати: и во писаниях положения, средоположения, совершенная положения испытно научает разумевати, по глаголещему: испытайте писания. Но без сея бо невозможноЛ писания испытovati.¹⁷

Капуцины ориентировали Тредиаковского на восприятие западноевропейской цивилизации. В латинской школе были заложены основы его обширной гуманитарной образованности. Но одновременно запечатлевались у него картины культурного мира русской народной жизни. С детства он помнит «мужицкие песни». Народная традиция «веснянок» неожиданно обнаруживается в первой строфе «Песенки» 1726 г., где Тредиаковский варьирует формулу обрядовой вести, что вновь «весна зиму поборола». «Держись чернеи», «стань отишно» в той же песне — запомнившиеся ему в астраханские годы волжские диалектизмы.¹⁸ Уже в 1750-е гг. он по памяти или по записям приводит отрывки из народных песен в подтверждение теории о тóническом количестве слогов народного стиха. Его прозаические и стихотворные писания «пестрят народными поговорками и пословицами, начиная с предисловия к «Езде»: «как говориться, чему быть, того не миновать», «но полно бранитца, пора помиритца». «Деревенские „кароводы“ и „песенки“, наблюдаемые поэтом, для него не один мотив идиллической оды (1756), а живой источник стихотворных форм и научных изысканий».¹⁹

Менее всего документально подтверждены связи Тредиаковского с культурой Востока, — а они должны были завязаться в Астрахани. Известен только один небезинтересный эпизод: уже упомянутую нами рукописную грамматику, помеченную сентябрем 1721 г., Тредиаковский подарил индийскому купцу Сунгару с написанием «Сию книгу Грамматику подарил я Василий Тредьяковский Сунгаре Притомовичу да владеет ею вечно». Личность Сунгара (или Сура) представляет значительный интерес, несмотря на весьма скучные сведения: через какой-то период он как-будто перешел в правосла-

¹⁷ Государственный ордена Ленина исторический музей, Москва (далее: ГИМ), собрание Четкова, № 337, л. 4—4а.

¹⁸ R. O. Якобсон, Влияние народной словесности на Тредиаковского: R. Jakobson, Selected Writings, 4. The Hague—Paris 1966, 614—615.

¹⁹ Там же, 625, 633.

вие, а грамматика ему могла быть нужна как для собственного обучения, так и для преподавания грамоты детям индусов.²⁰ Чрезвычайно заманчиво отождествить Сунгара с индийцем Зонхбарой (Sonhbara), который в 1735—38 гг. обучал в С. Петербурге академика Байера санскриту,²¹ но для этого у нас мало оснований.

Ученик латинской школы одновременно состоял певчим в архиерейском доме епископа астраханского Иоакима. Из своего детства и юности Тредиаковский вынес знание библейских книг и церковных гимнов — творений средневековых богословов, поэтов и музыкантов. По всей видимости, с астраханских лет ему известно, как «с двести лет, без мала, назад, певали у нас в церкви на всенощных бдениях, когда . . . вместо гагакания . . . употребляемы были незнаменательные слова, а именно сии: ай, нененай . . .»²² Распевы «анинайки» Тредиаковский слышал, разумеется, не в архиерейском доме, где культивировалось «истинное» пение, а от старообрядцев или в старообрядчески настроенных общинах. В церковной службе он особенно полюбил песнопения Иоанна Дамаскина. Позднее, уже познакомившись с литургией протестантов и римо-католиков на самом Западе, он писал:

без святого Иоанна Дамаскина греческая православная восточная церковь имела бы лишена быть сего превосходства в рассуждении духовных, умилительных, сердце и ум проницающих песен. Нет ни в одной, особливо в Римской, как мне случилось любопытствовать прилежно в сем, ни тако важных, ни толико высоких и глубоких умов и разумов, великолепием, силою и красотою гимнов. Без святого Дамаскина, повторяю, равнялась бы, может быть токмо, наша церковь сею песненную великостию или несколько бы токмо превосходила Римскую; но имевше святого Дамаскина, толико оную всею своею главою превосходит, колико превысокии кипарисы прерастают туго растущую жимолость . . .²³

Эхо преобразователя, кующего новую Россию, все громче слышалось в Астрахани. О новых, неслыханных в Московском государстве порядках Тредиаковский мог услыхать от присланного из Петербурга учителя Ивана Трофимова, в «цифирной школе» которого, видимо, учился брат Тредиаковского Яков.²⁴ В 1722 г. Астрахань встречала русские флот и войска, идущие в поход на шаха Мир-Махмуда. Петр I дважды останавливался в городе. Царь

въехал в город при пушечной пальбе и колокольном звоне; у пристани встречен архиереем, губернатором и всеми чиновниками и народом.

Между военными приготовлениями он

занимался не меньше и другими делами . . . осматривал в городе и вне оного все, достойное примечания . . . Он приказал сделать при себе разные машины, для поливки садов нужные, и занимался в оных работою рук своих в праздные часы . . . разговаривал с индийскими, персидскими и российскими купцами о их торговле, любопытствовал о путях первых из Индии с великою о всем подробностию; повелел снять рисунок с соборного храма . . . присутствовал в губернской канцелярии и рассматривал дела оной.²⁵

²⁰ А. Марков, Кому подарил книгу Василий Тредиаковский: Волга, 16 января 1983 г.

²¹ П. П. Пекарский, История имп. Академии наук в Петербурге, 1. СПб. 1870, 189.

²² В. К. Тредиаковский, Избранные произведения. Москва—Ленинград 1963, 427.

²³ В. К. Тредиаковский, Пасхалия. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград (далее: ГПБ), СПбДА, № 240, л. 122—123.

²⁴ АЕВ 1877, № 20, с. 11.

²⁵ И. И. Голиков, Деяния Петра Великого, 9. Москва 1838, 131, 135—136.

В загородном деревянном дворце устраивались увеселения и приемы. Патер д'Амелиа дважды получал аудиенцию у Петра. Разговор касался, видимо, организации миссионерского и школьного дела и построенного в 1721 г. деревянного костела *Beatae Virginis Mariae*. Синод, извещенный епископом Иоакимом о «противностях», чинимых капуцинами православным, требовал разрушить его. Однако, по словам д'Амелиа,

его величество как при первой, так и при второй аудиенции одобрил все представления миссионера и с большой милостью изъявил согласие или удовольствие относительно всего, что миссионер предполагал устроить.²⁶

Вскоре указом Петра епископ Иоаким был отставлен от епархии.

По преданию, сохраненному Пушкиным, Петр посетил школу, где учился Тредиаковский. Царь с первого взгляда распознал его характер, произнеся слова, предрекшие судьбу будущего академика: «вечный труженик».²⁷

Походной канцелярией Петра управлял один из просвещеннейших людей своего времени — князь Дмитрий Кантемир. В походе с князем был секретарь И. Ильинский, ведавший одновременно воспитанием его сыновей, которые сопровождали отца. Как допускает Х. Грасгоф, в Астрахани Петр I, кн. Д. Кантемир и Ильинский посетили школу капуцинов. Когда Петр I и Д. Кантемир отправились в поход, Ильинский и младший сын князя Антиох остались в Астрахани. Антиох шесть месяцев — с июля 1722 до января 1723 — учился в латинской школе. Не исключено, что тогда же он свел знакомство с Тредиаковским.²⁸ Еще более вероятным представляется знакомство с Тредиаковским Ильинского, который должен был завязать близкие отношения с учеными капуцинами; при его участии один из них — Октавий Мария из Милана — был приглашен учителем в семью Кантемиров.²⁹ Известен отзыв об Ильинском, оставленный Тредиаковским в конце жизни:

праводушный, честный и добронравный муж, да и друг другам нелицемерный, искусный довольно в латинском языке, несколько в молдавском, а совершенно в славенском.³⁰

Ильинский был также поэтом и учителем в стихотворстве А. Кантемира, возможно, эти же интересы связывали его и с Тредиаковским. В приведенном отзыве отражается, видимо, как личная приязнь, так и дружба, проверенная временем.

Трудно судить, какие встречи и впечатления повлияли на Тредиаковского, но он вознамерился завершить свое учение в одной из столиц тогдашней русской образованности — Киево-Могилянской или Московской славяно-греко-латинской Академии. Уже в начале 1722 он выправил себе паспорт в Киев. Решился покинуть Астрахань он только через год, в начале 1723 г. В Астрахани у него оставалась молодая жена, с которой он был недавно повенчан.³¹ Ряд источников сообщает, что его отъезд был внезапным или неожиданным — что он «бежал» из Астрахани.³² Какова причина для такого

²⁶ А. В. Флоровский, Указ. соч. 333—334.

²⁷ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, 8. Ленинград 1978, 69.

²⁸ H. GRASSHOFF, A. D. Kantemir und Westeuropa. Berlin 1966, 26—27.

²⁹ А. В. Флоровский, Указ. соч. 334.

³⁰ В. К. Тредиаковский, Избранные произведения, 437.

³¹ В. П. Самаренко, Указ. соч. 360.

³² П. П. Пекарский, История имп. Академии наук, 2. СПб. 1873, 4.

бегства? Может быть, женившись, Василий должен был пойти по стезе отца и унаследовать его место? Примечательно одно обстоятельство. Академик Г. Ф. Миллер, трудившийся вместе с ним в Петербургской Академии наук, сообщал, что помогли Тредиаковскому в бегстве, «по всем вероятиям», капуцины, у которых он учился, но что сам он «тщательно старался скрывать это обстоятельство, хотя не делал тайны из прочих своих приключений».³³ Это предположение не лишено вероятности, хотя католические монахи скорее могли оказать помощь Тредиаковскому в 1726 г., когда числившийся беглым ученик Славяно-латинской академии оказался в Голландии у полномочного посланника русского двора И. Г. Головкина, в прошлом питомца школы московских иезуитов.³⁴ В самом деле, до 1722 г. Патриций из Милана находился в Петербурге, где был супериором миссии и служил в костеле «за почтовым двором в греческой улице», он был знаком с Петром I, видимо, благоволившим к нему. После этого, до 1725 г. он подвизался в миссионерском деле в Москве в костеле Петра и Павла в Немецкой слободе.^{34а} В петербургской школе капуцинов в 1721—23 гг. обучались русские «нобли» и сын одного из царских фаворитов.³⁵ Так что капуцины могли иметь в своем распоряжении нити, которыми могли содействовать судьбе своего астраханского воспитанника. Неудивительно также, почему Тредиаковский всегда «тщательно скрывал» свои связи с католическими монахами. Если за открытый переход в католичество Верховный тайный совет в 1727 г. приговаривал ко кнуту и ссылке на вечное поселение в сибирские города,³⁶ упоминать о коротких отношениях с капуцинами для профессора Академии наук было малоблагоразумно.

Своей семьи Тредиаковский более не увидел. Весной 1728 г. от моровой язвы умерла сначала его жена, а потом отец, незадолго до этого принявший монашеский чин под именем Климента.³⁷

Московская славяно-греко-латинская академия

«Восстани поне от загребеных пепелов,
свете перипотетиков, Аристотелю! Отри
враски, или поне самыми омой слезами,
ими же твои философския догматы
осквернила Каррезиева прорезость: тако
воистину на мертваго лва мыши наска-
куют».

(Степан Яворский, Риторическая рука)

Путь до Москвы небезопасен и долг. Дорога шла обычно через Саратов, Пензу, Арзамас и Муром и занимала не меньше четырех месяцев.¹ Идти одному было рисковано; Тредиаковский двигался, видимо, с каким-то попутным обозом. Весной он оказался у цели: в стенах основанного в XIV в. Заиконоспасского монастыря, что на песчаном берегу реки Неглинной. В монастыре

³³ Цитирую по переводу П. П. Пекарского: там же, 4—5. Оригинал на немецком языке в кн.: Материалы для истории имп. Академии наук, б. СПб. 1890, 171.

³⁴ А. В. Флоровский, Указ. соч. 329.

^{34а} Lexicon Sacrae Scripturae. Romae 1951.

³⁵ Там же, 335.

³⁶ Описание документов и дел . . . Св. Правительствующего Синода (далее: ОДС), I. СПб. 1868, 603—605, 700.

³⁷ В. П. Самаренко, Указ. соч. 360.

¹ Белевы путешествия через Россию, 1. СПб. 1776, 133—135.

прежде жили Арсений Грек, Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев, теперь в нем помещалась Академия — «новосияющие славено-латинские Афины». Как раз в это время вышел указ Святейшего Правительствующего Синода «набирать в школы всех поповских и диаконских детей, а которые во учении быть не похотят, тех иметь в школы и неволею».² Для ректора Академии отца Гедеона Вишнёвского, год назад печаловавшегося в Синоде, что «мало есть охотников в школы славено-латинские»,³ питомец капуцинов должен был оказаться находкой. В соответствии с установленным ректором правилом,⁴ новый ученик был проэкзаменован префектом Академии и определен прямо в последнюю майскую треть четвертого грамматического класса — синтаксису.⁵

Что представляла из себя тогда Московская академия? Курс преподаваемых в ней предметов соответствовал «семи свободным наукам», которые, по представлениям того времени, заключали в себе полноту знания о Боге, Вселенной и Человеке. Образование Академии аллегорически характеризует напечатанная в 1708 г. гравюра Михаила Карновского. На гравюре изображен патриарший местоблюститель Стефан Яворский, в ту пору протектор Академии, поднимающийся «по ступеням, названным ревность благочестия», «тщание», «премудрость», к храму с надписью на фронтоне: «Созда себе храм и утверди столбов седьм». На семи столбах храма написаны названия основных предметов обучения: *Grammatica latina*, *Syntaxis*, *Rhetorica*, *Theologia*, *Philosophia*, *Poesia*, *Grammatica graeca*. В нижних углах гравюры помещены две жанровые группы. «Одна, по-видимому, должна рассказать о связи Московской академии с Киевской. Здесь толпа академических студентов во главе со святыми Борисом и Глебом теснятся вокруг вестилища знаний (на бочке с виноградом надпись: философия, богословие, риторика). Св. Владимир, черпая из источника Киевской премудрости, рукой указывает на Стефана и его храм знаний».⁶ Число семи составлялось обычно немного отличным «союзом свободных наук». Так в 1702—1705 гг. в Академии было написано и поставлено «Действо о семи свободных науках» (оно продолжало пользоваться вниманием современников до начала 1730-х гг.).⁷ В «Действе» декламировались и пелись стихотворные похвалы грамматике, риторике, диалектике, музыке, арифметике, астрологии (в эту науку входили также астрономия и геометрия) и богословию с философией.

Господствующим направлением Академии был аристотелизм в христианской интерпретации. В небольшой степени сущлась струя неоплатонизма, распространявшегося кругом Епифания Славинецкого. На Стагирите основывались курсы лекций знаменитых «фундаторов» Академии, докторов Падуанского университета Софрония и Иоанникия Лихудов. В лекциях по красноречию, изложив в целом «Риторику» Аристотеля, Софроний затем разделял эту науку на красноречие Божественное, героическое и челове-

² С. Смирнов, История Московской славяно-греко-латинской академии. Москва 1855, 106.

³ ОДС II/2, с. XIX.

⁴ Ср. там же, с XXX.

⁵ ОДС X, с. XXIX.

⁶ М. А. Алексеева, Жанр конклюзий в русском искусстве XVII — начала XVIII в. В кн.: Русское искусство барокко, Материалы и исследования. Москва 1977, 11.

⁷ А. С. Демин (комментарий), «Действо о семи свободных науках». В кн.: Пьесы школьных театров Москвы. Москва 1974, 439.

ческое. «Небесная риторика . . . совсем не так действовала, как песнь баснословного Орфея; она переродила волков в агнцев и в зверских душах язычников воспламенила любовь к благочестию, целомудрию и кротости. Это красноречие есть язык Ангелов». Героическое красноречие представлено в творениях Отцов церкви, а человеческое — в трудах Демосфена, Цицерона и др. Тексты Библии Софропий противопоставлял всем остальным творениям античной мудрости: «если бы захотел я говорить об изяществе и силе Божественного Писания, то никогда не кончил бы своей беседы. Для меня удивительно, почему некоторые, оставив эту высокую и полезнейшую мудрость, обращаются к тленным произведениям человеческой мудрости».⁸ Идеи «Риторики» Лихудов продолжали оставаться влиятельными в Академии по крайней мере до конца петровской эпохи; мы увидим их отголосок в «Предуведомлении» к стихотворному переложению Псалтири Тредиаковского 1753 г., где он ставит задачу

доказать . . . многим, кои, углубясь в Пиндаров и Анакреонтов, не мнят уже нигде быть подобной высоте и сладости, что языческое оное и светское великолепие в песенных слогах есть токмо тень, или еще и та, Божияго и Небесного гласа, в Давидовых псалмах гремящего.⁹

Лекции Софропия по «Логике» и «Физике» также шли в русле аристотелизма. Ученый монах ссыпался на комментарии к Стагириту Иоанна Грамматика, Фемистия, Александра Афродизийского, Ибн Рушда, иногда предпочитая их толкования собственным интерпретациям. Вторая часть курса логики была основана на аристотелевском трактате «Об истолковании» («Герменевтика»), который неоднократно комментировался как в средние века, так и в эпоху Ренессанса.¹⁰

В первое десятилетие XVIII в. «тривиум» по логике, физике и метафизике читал Феофилакт Лопатинский. Он был видным представителем староцерковной партии, антагонистом Феофана Прокоповича и близким союзником патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского. После смерти Стефана его прочили в патриархи. Сей «муж, замечательный обширностью сведений, неутомимым трудолюбием и бедственною судьбою»,¹¹ в 1708—1722 гг. был ректором Академии и во многом повлиял на ее облик. В курсе догматики Феофилакт следовал за Фомой Аквинским и в физике за Аристотелем. Исходя из учения Стагирита и полемизируя с Зеноном и «зенонистами» Арриагой и Овьедой он излагал теорию континуума. В этой полемике он пользовался математическими и геометрическими доказательствами, прибегал он и к картезианским аргументам. К философии самого Декарта Феофилакт относился критически,¹² хотя элементы картезианства присутствуют в его логике.¹³ «Большая логика» Феофилакта в целом оценивается современными исследователями как «разновидность формальной онтологии».¹⁴

⁸ С. Смирнов, указ. соч. 31, 53.

⁹ В. К. Тредиаковский, Псалтирь. В кн.: Венок Тредиаковскому, 6.

¹⁰ См. П. С. Попов, Р. А. Симонов, Н. И. Стяжкин, О характере логического знания в России XVII в. В кн.: Естественнонаучные знания в древней Руси. Москва 1980, 161—164.

¹¹ С. Смирнов, указ. соч. 194.

¹² Там же, 162.

¹³ П. С. Попов и др., указ. соч. 167—168.

¹⁴ Там же, 169.

Лекции профессоров — преемников Лопатинского отличались от его курса незначительно: «вполне самостоятельной работы нельзя и предположить, если взять в рассмотрение обширность двухгодичного курса философских лекций; в них собрана такая масса сведений, столько энциклопедической учености, что на них надобно смотреть как на труд многолетний, как на сборник, составленный усилиями многих ученых средних веков».¹⁵ Рукописные курсы оставались в библиотеке Академии и были доступны для учеников. Ломоносов, как предполагает В. П. Зубов, мог почертнуть некоторые аргументы против «зенонистов» из старых курсов физики — сам он не успел пропустить этого курса. «Аристотелианская закваска», приобретенная им в стенах Академии, позволила ему в Марбурге критически отнести к теории «простых сущностей» Х. Вольфа, чей авторитет мало кто в Европе тогда отваживался поставить под сомнение.¹⁶ Мимо рукописных курсов вряд ли мог пройти и ученик капуцинов, приехавший в Москву в поисках новых знаний.

В стенах Академии в петровскую эпоху велась сложная и многогреческая работа по библейской критике. Учрежденная в 1712 г. Петром I комиссия ставила задачей отредактировать славянский текст, приведя его в соответствие с греческими печатными изданиями и устранив неисправности текста перед новым печатным изданием Библии. «Быть у дела того в смотрении и правлении» Петр определил Софрония Лихуда, Феофилакта Лопатинского и справщиков синодальной типографии монахов Феолога и Иосифа,¹⁷ позднее к ним были присоединены питомцы Академии и ученики братьев Лихудов Федор Поликарпов, А. К. Барсов и др.¹⁸ Комиссия подчинялась патриаршему местоблюстителю митрополиту Стефану. Работа московских библейских переводчиков двигалась шире петровского предназначения: оказалось необходимым сопоставление с текстом древнееврейской Библии и латинской Вульгаты. Семь лет «правили со всяkim прилежно-тщательным радением»¹⁹ филологи Академии, и в начале 1720-х гг. работа в основном была завершена. Однако Синод в 1725 г. поручил Феофилакту Лопатинскому и Афанасию Кондоиди вторично пересмотреть славянский текст. Как считал С. Смирнов, «все важнейшее в исправлении перевода сделано при Феофилакте и принято в Библию почти без изменения последующими исправителями».²⁰

В год поступления Тредиаковского в Академию, из печати вышла книга, предназначенная послужить не только русской, но и европейской библейской текстологии. История ее такова. Профессор Греческой школы Академии Афанасий Скиада предпринял описание греческих рукописей Синодской (бывшей Патриаршей) библиотеки. В этом собрании хранились самые древние и редкие кодексы — по датировке Скиады,²¹ Четвероевангелие VI в., два Евангелия XI в., Аскитикон Василия Великого IX в. К своему каталогу рукописей Скиада присоединил обширное предисловие «о употреблении манускриптов». Здесь он еще раз, вслед за Епифанием Славинецким, поставил

¹⁴ С. Смирнов, указ. соч. 168—169.

¹⁶ В. П. Зубов, Ломоносов и Славяно-латинская академия: Труды института истории естествознания и техники 1 (1954) 31—49.

¹⁷ ОДС III, 28.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ОДС III, 33.

²⁰ С. Смирнов, указ. соч. 128.

²¹ Скиада, правда, допускал в датировках ошибки. Ср. К. Ф. Калайдович, Иоанн екзарх Болгарский. Москва 1824, 27—28, примеч. 63—64. Однако, следует иметь в виду, что Скиада рассматривал свой труд как предварительный.

проблему неисправности славянского текста Библии: «И не стыдно ли людям христианским о правости книг своего закона сомневатися, но како же не сомневатися имут, егда рукописные книги, яже имеют, в целых текстах разнствуют».²² Для исправления текста необходимо сопоставление авторитетных древних кодексов и введение неизвестных текстов в научный оборот, — это, говоря современным языком, утверждает Скиада. По его представлению, труд его реализирует последнюю задачу: «лучшие же тексты аще и обретаются, обрести не могут ибо . . . где суть, не ведают. Сия предражайшая библиотека Великороссийская всегда бысть заключена, и положенные в ней книги иностранным несведомы быша».²³ Скиада ставит перед будущими библейстами дальнейшие задачи: составление более подробного описания Синодских кодексов, разыскание в греческих монастырских скрипториях новых текстов и их исследование: «уповаем тебе, дружелюбный читателю, издати каталог и книги в Греции сокровенным приискати; точию бы уразумел и похотел еси для общенародной пользы оных употребити чтением, испытанием, приравнением, разнствующих чтений отмечением, оскудеваемых дополнением, пропущенных означением, прибавлений откровением и новоизобретенных в мир преданием».²⁴ По приказу Петра описание Скиады было издано; через год, в 1724 г. оно было перепечатано в Лейпциге;²⁵ 13 декабря 1725 г. Христофор Вольф из Гамбурга писал ученому бенедиктинцу М. Лакрозу в Берлин, известен ли ему «индекс манускриптов московской библиотеки, которую недавно Скиада нам дал».²⁶

Труд Скиады и идеи, изложенные в его предисловии, не могли пройти мимо Тредиаковского. Следует полагать, что именно в его школе Тредиаковский выучился греческому языку, ведь, насколько известно, он не занимался этим языком ни у капуцинов в Астрахани, ни в Парижском университете.

*

В Спасских школах господствовал кульп церковнославянского языка. На «глубокословном» славянском (кроме предписываемой латыни) не только писали, но и разговаривали между собой ученики Академии — случай, в России беспрецедентный. Все это имело обоснование в определенной концепции. «Аще еврейский язык превозносится, ибо им Бог Адаму глагола и Божественное писание написася; аще еллинский язык славится, ибо им прекрасншия науки и художества написашася, точие может и наш язык хвалитися . . .» — Такие слова заключались в речи учеников Академии при вступлении Адриана на патриарший престол.²⁷ (В составлении такой важной речи, по всей видимости, должен был принимать участие С. Лихуд). Эта концепция была подробно изложена Ф. Поликарповым в предисловии к его «Лексикону трезычному» (Москва 1704). Разделяли ее, видимо, те, кого он называл как редакторов «Лексикона»: ректор Академии Рафаил Краснопольский, братья Лихуды, местоблюститель Стефан. «Еврейский язык есть язык свят. Греческий язык есть язык премудрости. Латинский язык есть

²² Два каталога рукописанных книг греческих, в синодальной библиотеке в Москве обретающихся. Москва 1723, 25.

²³ Там же.

²⁴ Там же, 27.

²⁵ *Arcana Bibliothecae synodalis et typographicae Moscovensis. Lipsiae 1724.*

²⁶ *Thesaurus Epistolicus Lacrozianus. Lipsiae 1742, 217.*

²⁷ С. Смирнов, указ. соч. 31.

язык единонаачальствия. [...] И языками убо, слово быти предвечно назнаменуется. Ерейским Святаго Святых, греческим отчую премудрость, латинским, всея твари единонаачальствующа (ср. латинский вариант последних слов: *totius universi Imperatorem*) веруем и проповедуем». По теории Поликарпова, церковнославянский в потенции может заместить древнееврейский в числе трех сакральных языков. Приведя текст из кн. Михея 5:2, в котором, по христианской экзегезе, предрекается рождение Иисуса Христа, Поликарпов строит по его образцу пророчество о будущем славянского языка и народа: «Тем же убо, юже древле божественное писание воспе похвалу Вифлиемскому граду: и ты (рече) Вифлиеме, земле Иудова, ничим же менши еси в владыках Иудовых: тую похвалу нечто изменше, о языце нашем славенском, славе соименитом, можем проповедати. И ты роде и языче славенскии, ничим же менши еси в начальных родах и языщех».²⁸ Культ церковнославянского языка имел не только эстетическое, но и идеологическое значение: в нем звучали мессианистические упования и отзвуки концепции «Москва — третий Рим». Петр I был недоволен ориентацией на высокий славянский стиль, как, вероятно, и лежащей за ней концепцией. В 1716 г. через своего приближенного он предлагал Поликарпову исправить его перевод «Всеобщей географии» «не высокими словами славенскими, но простым русским языком, тако ж и лексиконы».²⁹

В оппозиции к Петру, этот культ сохранялся в Академии. Церковнославянский был языком заиконоспасской корпорации, отличием «носителей знания». Как признавался Тредиаковский в предисловии к «Езде в остров любви», в стенах Академии он писал и «разговаривал со всеми» на славянском, стремясь показать себя «особым речеточцем» (т. е. особым знатоком славянского; в «Лексиконе» Поликарпова приводятся такие синонимы к этому слову: ритор, краснословец, ветия). Ученики Академии совершенствовали свой высокий славянский стиль, переводя со славянского на русский и с русского на славянский.³⁰ В статье 1755 г. Тредиаковский особо отмечал степень знания славянского языка в характеристиках стихотворцев «среднего» периода: «муж, сведущий славенский язык» (Л. Магницкий), «искусный... совершенно в славенском» (Ильинский), «муж искуснейший в... славенском» (Поликарпов).³¹ Наибольшим авторитетом, итак, оказывается Поликарпов. Его труды и идеи, без сомнения, были хорошо известны в Московской академии в годы пребывания там Тредиаковского. «От того времени, как Федоровской триязычный букварь вышел в свет, все гремят только ею», — писал он в «Разговоре об ортографии».³² Л. Н. Майков с достаточным основанием предполагает, что Тредиаковский был лично знаком с этим крупнейшим лингвистом, поэтом и литературным деятелем старомосковской ориентации. Изложенная в «Лексиконе» теория находилась в числе тех, которые учитывал Тредиаковский, вырабатывая свою концепцию «славенороссийского» языка — языка, который, по его мысли, должен был обладать особой национальной спецификой.

²⁸ Ф. Поликарпов, *Лексикон треязычный*. Москва 1704.

²⁹ Русский архив, 1868, с. 1054.

³⁰ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Q 16, л. 72—75. За указание на эту рукопись приношу благодарность Б. А. Успенскому.

³¹ В. К. Тредиаковский, *Избранные произведения*, 437.

³² В. К. Тредиаковский, *Сочинения*, 3. СПб. 1849, 121.

Московская академия была литературным центром петровской эпохи. По указу царя, стремившегося сделать ее одним из орудий своей культурной политики, профессоры Академии переводили научные труды и пособия, составляли тексты для петровских триумфов и торжеств. С Академией были связаны известнейшие проповедники — Стефан Яворский, Гавриил Бужинский, Феофилакт Лопатинский. «Сие слово мое окроплено валсамом, омочено нектаром, прикоснено амвросиею, украшено бисерми, и рясны имуще адамантовые... да прочитаемо и слышимо будет от потомков со изрядным удивлением во веки веков, сложенное со великим прилежанием ума моего,»³³ — такое словесное барочное узорочье сплетал Софоний Лихуд, чью оrationь на коронование Екатерины I мог знать ученик класса пиитики Тредиаковский.

Большое место в Академии занимал культ стихотворства. Феофан Прокопович, с сильной враждебностью относившийся к Академии — у ее кормила стояли его недруги — утверждал, что в ней »*Omnes ad nauseam versificari osseperant*« — 'все предавались стихотворству до тошноты'.³⁴ Стихотворные сочинения, однако, почти никогда не выходили за стены Заиконоспасского монастыря. Феофилакт Лопатинский опубликовал только одно поэтическое сочинение — написанную алкеевой строфой латинскую «Оду князю Дмитрию Кантемиру», хронологически первую оду в русской поэзии, которая, по словам историка русской литературы XVIII в., дает основания утверждать несомненную поэтическую одаренность ее автора.³⁵ Писал и дважды предал печати стихи ректор Гедеон Вишнёвский. Ученники Академии нередко сочиняли стихи на заказ, причем клиентами могли быть женщины из высшего класса, такие, как Головкина или М. Черкасская.

В годы пребывания Тредиаковского в Академии, она имела уже четвертьвековую традицию школьного театра. В начале века на ее подмостках шли созданные по канонам барокко пьесы, в которых разыгрывались евангельская притча о богаче и нищем Лазаре или «второе пришествие Господне на землю». Сцена была двухъярусной; в нижней части разыгрывались события земного мира, в верхней — небесного; и на этой сцене происходил своеобразный синтез искусств: музыки, пения, слова, впечатляющих сценических действий со зрительными и звуковыми эффектами, живописи в традиции древнерусской иконописи (как напр. в пьесе «Ужасная измена...»³⁶). В школьной пьесе должны были присутствовать функции развлекательная, игровая, духовно-назидательная, педагогическая и эстетическая. С этим связана главная особенность школьного театра — аллегоризм. Действующими лицами пьесы о богаче и Лазаре, напр., были Мир, Нищета, Терпение, Любовь земная, Жизнь, Милость Божия, Суд Божий, Душа пиролюбца, Тело пиролюбца, Церковь православная. Позднее, вслед за постановкой «Действа о свободных науках», в разгар Северной войны, в Академии ставились панегирические пьесы, в которых прославлялся Петр I и победы российского воинства. Тредиаковский наверняка присутствовал на действиях, представляемых его товарищами как в Заиконоспасской академии, так и в Гошпитальном театре, где авторами и актерами были, как правило, бывшие академические воспитан-

³³ Русский архив, 1863, 763.

³⁴ Epistolae... Theophanis Prokopowicz. Moskva 1776, 58.

³⁵ П. Н. Берков, Русские новолатинские поэты XVII—XVIII в.: L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves 18 (1966—1967) 47—51.

³⁶ А. С. Елеонская (комментарий) в кн.: Пьесы школьных театров Москвы, 473.

ники. Пьесы ставились регулярно и достаточно часто. Известно, однако, лишь о трех пьесах, шедших на подмостках этих театров во время пребывания Тредиаковского в Славяно-латинских школах. Это поставленная 28 мая 1724 г. на академической сцене «латинская комедия» и представленные в Гошпитальном театре «Слава Российская» (11 мая 1724 г.) и «Слава печальная» (26 декабря 1725 г.). Последние две драмы, весьма профессионально написанные, принадлежали Федору Журавскому, в прошлом ученику Заиконоспасских школ, который в 1732 г., т. е. в период пребывания там Ломоносова, был ректором Академии.³⁷

Познакомившись с практикой и теорией школьной драмы, Тредиаковский сам сочинил две пьесы — «Язон» и «Тит, Веспасианов сын». Профессоры Академии одобрили эти драмы, и они были поставлены на сцене. Насколько известно, это был единственный случай в истории Московских славяно-латинских школ: сочинение пьес было обязанностью и привилегией профессоров пиитики и риторики. Ученик Академии должен был показать выдающееся профессиональное мастерство и совершенное владение правилами школьной драматургии, чтобы его пьесы увидели подмостки академического театра. О проблематике пьес Тредиаковского приходится ограничиваться предположениями, ибо они пропали во время его странствий по Европе.³⁸ (Имеет смысл задать вопрос: с какой целью взял он их с собой? Быть может, он рассчитывал на них, как на некую рекомендацию в своих познаниях? Но здесь мы вступаем на путь слишком далеких гипотез.) Тема действия о Тите могла быть подсказана вышедшей в 1723 г. «Историей о разорении последнем Святого града Иерусалима от римского цезаря Тита сына Веспасианова», где излагались 5—7 главы «Иудейской войны» Флавия. Однако за историческим или мифологическим сюжетом обоих пьес скрывалось, скорее всего, аллегорическое прославление Петра I.³⁹

*

В майской трети 1723 г. Тредиаковский штудировал латинский синтаксис, катехизис, географию и историю. В синтаксисе в оригинал читали Юстина, дабы было «невеселое учение толь веселым мира и мимошедших в мире дел познанием растворено».⁴⁰ Занятия длились ежедневно пять часов. В классе Тредиаковского было около тридцати учеников,⁴¹ среди них И. Л. Магницкий⁴² — сын известного Л. Ф. Магницкого, автора «Арифметики», В. Е. Адодуров,⁴³ впоследствии адъюнкт Петербургской Академии наук, близкий друг и единомышленник Тредиаковского и Петр Суворов, который в 1725 г. вместе со своим старшим братом Максимом был отправлен в Сербию, где последний сыграл значительную роль в истории сербского просвещения.⁴⁴

В сентябре 1723 г. Тредиаковский учится в следующем классе — пиитике. Занятия в этом классе, как и в следующей за ним риторике, продолжались ежедневно 4 часа. Теорию поэзии читал монах Софроний Мигалевич, питомец Киево-Могилянской академии, год назад вызванный в Москву Феофилактом

³⁷ В. Д. Кузьмина (комментарий), там же, 509, 513.

³⁸ В. К. Тредиаковский, Избранные произведения, 438.

³⁹ Л. Н. Майков, указ. соч. 11—12.

⁴⁰ С. Смирнов, указ. соч. 110.

⁴¹ Там же, 181.

⁴² ОДС X, 1332.

⁴³ Там же, 1338.

⁴⁴ М. Павић, Историја српске књижевности барокног доба. Београд 1970, 33.

Лопатинским.⁴⁵ У Софрония же Тредиаковский проходил следующий двухгодичный курс риторики (1724/25 и 1725/26 гг.). Во время пребывания в риторике Тредиаковский мог заниматься и математическими дисциплинами, ибо в 1725 г. вышел указ Петра Академии «учить геометрии и тригонометрии всякого звания людей, кто пожелает».⁴⁶ Записи курсов пиитики и риторики Софрония нам неизвестны, но вряд ли они существенно расходились с теми, которые читались в Академии в 1720—30-е годы. Значительная часть лекций по поэтике посвящалась общей теории поэзии: профессор рассматривал происхождение термина «поэзия», ее характер, предмет и цель, описывал затем жанры поэзии и виды стихосложения, объяснял и классифицировал тропы и фигуры, касался проблемы звуковой организации стиха. В Академии учили, что поэзия есть искусство создавать правдоподобный вымысел, однако этот вымысел не извращает правильные понятия, это — остроумная выдумка (*acutum conceptum*), которая улавливает соответствие среди несоответствия. (Это положение постулировал Исаакий Хмарный, читавший поэтику в 1726 и 27 гг.)

Такое определение восходило к барочным теориям Э. Тезауро и М. Сарбевского, и уже через них — к Аристотелю. Дефиниция Стагиритом прекрасного — *unitas in varietate*, т. е. единство в разнообразии, единство во множестве — переосмыслилось Сарбевским применительно к центральному понятию барокко — акумену: «острая мысль (*acutum*) — это речь, в которой происходит соприкосновение чего-то несогласного и согласного, т. е. это выраженное словами соответствующее несоответствие или несоответствующее соответствие».⁴⁷ Московские профессоры учили, что осткая мысль обнаруживается неожиданной игрой воображения, удивительным характером высказывания, непредвиденным сравнением, контрастом, метафорой. Ученики должны были знать как правильно использовать тропы (метафоры, аллегории и др.) и фигуры, ибо «риторические фигуры придают речи блеск, с их помощью поэт как бы рисует звуками».⁴⁸

Кроме слушания лекций, ученики много времени посвящали практическим занятиям — «экзерциям» и «окупациям», в которых закреплялся поэтический и риторический курс. Ученики сочиняли на заданный профессором размер стихотворения на латинском, славянском и других языках; темой стихотворения бывал отрывок из античного автора, или Библии; особенно часто поэтически парофразировались псалмы. Цель таких «экзерций» состояла в овладении и совершенствовании поэтической формой.⁴⁹ Некоторые занятия проходили в форме «диспутов»: ученики состязались в чтении своих стихотворений, в орациях, «риторических разговорах» (*colloquentia*) «о каком-нибудь предмете из области природы, науки или искусства».⁵⁰ Аргументы в этих диспутах, как можно судить, могли быть как логические и философские, так и математические и геометрические. Тредиаковский видимо вспоминает подобные «школьные» диспуты, когда в предисловии к «Езде в

⁴⁵ ОДС I, 675—676, 678.

⁴⁶ С. Смирнов, указ. соч. 113.

⁴⁷ П. Левин, Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVIII века: *Wiener slavistisches Jahrbuch* 23 (1977) 192—193.

⁴⁸ Там же, 180—198.

⁴⁹ См. Г. А. Воскресенский, Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия. Москва 1891, 59.

⁵⁰ С. Смирнов, указ. соч. 186.

остров любви» предлагает убедить своих оппонентов в истинности обосновываемого им принципа литературного перевода «математическим» методом.

Диспут в ту эпоху считался универсальным средством обучения и познания. На диспутах Московской академии, генетически связанных с традицией «словопрений» средневековых западно-европейских университетов, доказывалось и опровергалось все, начиная с посылки о существовании Бога. В период пребывания Тредиаковского в Заиконоспасском монастыре, там вошли в обычай ежегодные ученые «диспутации». Как писал М. Х. Фандерберк в записках «О состоянии просвещения в России в 1725 г.», «чтобы при скромном изложении догматов уметь еще из столкновения двух мыслей извлечь истину, как из удара кремня о кремень получают огонь, для этого они часто упражняются в полисофии или богословской диалектике. Темы, предлагаемые из года в год, решаются публично, и эти занятия приносят большие плоды».⁵¹ Ученые словопрения длились два-три дня и сопровождались выступлением оркестра и пением кантов.⁵² В мае 1724 г. в ходе торжеств по случаю коронования Екатерины I в Московской академии состоялся чрезвычайный диспут.⁵³ Протестантский пастор Ремариус, придворный проповедник голштинского герцога, опровергал догмат об исхождении Св. Духа только от Отца. Его аргументы отрицал католический монах-капуцин, становясь, таким образом, на позиции восточно-православного догмата. Вряд ли можно предположить, что среди многочисленных зрителей этого состязания не было ученика астраханских капуцинов. — Победу стяжал тот, кто лучше владел оружием диалектики, кто заставил своего противника сдаться перед безупречно выстроенной цепью логических, философских и др. доказательств. Описавший диспут камер-юнкер голштинского двора Бергхольц не сообщил, кто остался победителем, чего, скорее всего, не имело бы места, если бы им оказался голштинский пастор.

Владение культурой ведения диспута пригодилось Тредиаковскому уже через несколько лет в Париже, где ему пришлось дискутировать в коллегии Мазарини, причем, как видно, довольно успешно. Но эта культура сказалась вообще и в его методе научного рассуждения, что будет особенно заметно на его «Способе к сложению стихов» 1735 г.

*

Ученик Заиконоспасской академии, выйдя из монастырских ворот и пройдя по Никольской улице, оказывался у нарядного здания, увенчанного большой шатровой башней. «Тонкие и узкие сквозные башенки, над которыми были водружены посеребренные «прапорцы» (флажки), высились над фронтом, обильно изукрашенным «белокаменной резьбой» — витыми колоннами, изображениями орлов, грифов и единорогов, двумя солнечными часами и выпуклыми посеребренными надписями с «титлом государя», выведенным славянской вязью над фигурными двусторочными воротами».⁵⁴ Здесь помещалась Синодальная типография. С ней Московская академия имела самые тесные связи: ее лучшие ученики определялись в справщики (т. е. редакторы-корректоры) типографии. В ней печатались труды заиконоспасских профес-

⁵¹ Сын отечества, 1842, № 1, ч. I, с. 16.

⁵² М. А. Алексеева, указ. соч. 9.

⁵³ Ф. В. Берггольц, Дневник. Москва 1902, 4: 45—46.

⁵⁴ А. А. Морозов, М. В. Ломоносов, Путь к зрелости, 1711—1741. Москва—Ленинград 1962, 144.

соров. Мы уже видели, что типографские справщики ревностно участвовали в работе библейской комиссии и что с одним из них (Ф. Поликарповым) Тредиаковский, видимо, свел знакомство.

При типографии находилась библиотека несравненно более обширная, чем заиконоспасская. Наряду с весьма полным собранием русских и европейских печатных изданий, в ней хранились русские рукописные летописи и хронографы и старинные греческие манускрипты.⁵⁵ В 1720-е годы ученики Московской академии имели в нее доступ. Быть может, нашел случай познакомиться с ее раритетами и Тредиаковский. Оставив в стороне ряды Китай-города — иконный, коробейный, золотной, серебряной-ветошный, рыбный просольный, самopalльный, кисейный, холщевый — а всего там было 35 рядов^{55a} — было рукой подать до Кремля. На Красной площади с раннего утра толпились «люди всякого чина и подлый народ», в их «великой тесноте» промышляли воры и мошенники. Чуткое ухо будущего «первого российского филолога» запомнит особые выкрики лотошников, зазывающих к себе народ: «Каждый блинник или пирожник на московской площади не иначе просит к себе за деньги кушать, как токмо сим приветом: „добрые молодцы, дворяне государевы, добро пожаловать, на вот пироги горячие, тепре вынес“».⁵⁶ Красная площадь бывала забита торговым людом. У Спасского моста, что против храма Василия Блаженного — мост был перекинут через крепостной ров, позднее засыпанный — собирались безместные попы. Как пишет современный ученый, это, видимо, были те «интеллектуальные пролетарии», из среды которых появлялись тексты, именуемые теперь «демократической сатирой»: «Азбука о голом и небогатом человеке», «Повесть о Фоме и Ереме», «Служба кабаку». На Спасском мосту продавали эти рукописные «укоризны скаредные и смехотворные», а из-под полы можно было купить запретные антипетровские памфлеты и «содержащие „великие на царский дом хулы“» писания пустозерских узников — протопопа Аввакума и его сподвижников⁵⁶. В 1730 г., в том же предисловии к «Езде», Тредиаковский писал о «стихотворцах Спасского моста», «что они, излагая свои рацеи, на правила стихосложения не смотрят, а что б сказать, да не солгать, может быть и не знают».⁵⁷ Значит, в свое время он был хорошо знаком с этой средой, был свидетелем, а может быть, участником их словопрений, которые они вели, не зная диспутационных правил, так хорошо известных ученику Академии.

На том же мосту по правую руку находилась книжная лавка В. Киприанова. В ней по дешевой цене продавались «Введение в гисторию европейскую» Пуфendorфа, «География» Варения, «Книга мирозрения» Гюйгенса, «О изобретателях вещей» Вергилия Полидора Урбинского — книги, издаваемые по распоряжению Петра, для просвещения его подданных. Через несколько лет в той же лавке будет продаваться переведенная Тредиаковским «Езда в остров любви», которая откроет новую эпоху в литературной культуре, а еще лет через 25—30 — десятитомная «Древняя» и пятнадцатитомная «Римская» истории Роллена.

⁵⁵ Там же, 44.

^{55a} Есипов Г. В. Тяжелая память прошлого, Рассказы из дел Тайной канцелярии и других архивов. СПб. 1885, 306.

⁵⁶ Тредиаковский В. К. Разговор об ортографии. ААН р. II оп. 1.

⁵⁶ А. М. Панченко, Литература «переходного века». В кн.: История русской литературы, 1. Ленинград 1980, 368.

⁵⁷ В. К. Тредиаковский, Сочинения, 3: 650—651.

Курс наук Славяно-латинский академии давался Тредиаковскому легко. Немало значило образование, полученное в школе капуцинов. Свободное от лекций время уходило на самостоятельные занятия. В рекреационные часы ученики Академии играли на «музыкальных инструментах».⁵⁸ Тредиаковский, возможно, принимал участие в этих музыкальных занятиях.

Перейдя в класс риторики, Тредиаковский стал переводить огромный героико—исторический роман Дж. Барклай «Аргенида» (его первое парижское издание 1621 г. заключало 1208 страниц). Выбор этого романа принадлежал ему одному. «Что может оправдать... мою продержность, с которой я сам собою поднялся перевесть сию... повесть?» — писал он впоследствии.⁵⁹ Этот факт весьма интересен для уяснения литературной позиции Тредиаковского в самом начале его пути в «словесных науках». «Одна из влиятельнейших книг эпохи абсолютизма, настольная книга Ришелье»,⁶⁰ «Аргенида» принадлежала литературной культуре позднего «придворного» барокко. В XVII — начале XVIII в. она имела общеевропейскую известность, ее переводили Мартин Опиц, В. Потоцкий, Пьер де Маркассус, Ханс Паус, Кёфетто, Л. де Лонг, аббат Жосс, Савин, Кингсмил Лонг, сэр Роберт де Гри и Томас Мей, эсквайр, его преподобие Джон Джакоб, леди Клара Рив, Франческо Пона, Антонио Кокастелло, Хозе де Саллас и Тобар, дон Габриэль де Коллар. Особенno был прославлен стиль «Аргениды». Проблема воспроизведения стиля должна была быть главной трудностью для Тредиаковского, и он десятью годами позднее упоминает «латинским языком хитро написанную» «Аргениду», ставя ее выше всех французских романов.⁶¹ Попытка ученика Спасских школ воспроизвести художественную систему «Аргениды» говорит о его большой отваге и уверенности в своих силах и знаниях, в том числе знаниях латинских и славянских стилей. Свой перевод Тредиаковский давал на прочтение, и критики «не так были им недовольны, что б его всеконечно и совершенно ничему негодному почли».⁶² Кто были эти критики? Из окружения Тредиаковского самым тонким стилистом и «краснословцем» как в латыни, так и в славянском был Федор Поликарпов. В ученых латинистах не было недостатка в Академии, читателями «Аргениды» могли быть и профессоры риторики Софроний Мегалевич и Исаакий Хмарный, префект Академии Платон Малиновский или сам ректор Гедеон Вишнёвский, не говоря о товарищах Тредиаковского по Славяно-латинским школам. Первый перевод будущего филолога разошелся в нескольких списках, один из них он смог обнаружить в начале 1750-х годов.⁶³

28 января 1725 г. умер Петр I. 8 марта императора отпевали в Петербургском соборе Св. Петра и Павла. Торжественная церемония была совершена и в Заиконоспасской академии: «состроен был гроб и поставлен посреде церкви, и при собрании множественного народа от греко-латинских учителей и студентов о добродетелях Его Императорского Величества, яко Отцу Отечества, благоутробнейшему, прекрепкому в бранех победителю и оных училищ фундатору, благодарное изречение было».⁶⁴ С этой церемонией, как

⁵⁸ С. Смирнов, указ. соч. 112.

⁵⁹ Л. В. Пумпянский, Ломоносов и немецкая школа разума: XVIII век, сб. 14. Ленинград 1983, 6.

⁶⁰ И. Барклай, Аргенида. СПб. 1751, с. LVIII.

⁶¹ В. К. Тредиаковский, Избранные произведения, 417.

⁶² И. Барклай, Аргенида, с. LVIII.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Цит. по статье Л. Н. Майкова, 13.

„B. H. Tepuakogkuu, Nisopahpiie nponbenehna, 59.
baden [1972, 25 — 31.

«Если бы я не был бы
жаждущим счастья, я бы
не стал бы жаждеть счастья».

... : Help negotiate before a hedge,
Noo no sacijlam tam emy ptn typee.⁹⁹